
**ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИИ
НА ПЕРВОМ МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ
БАЛКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОФИИ**

С 26 августа по 1 сентября 1966 г. в Софии проходил Первый международный конгресс по балканским исследованиям и изучению стран Юго-Восточной Европы. Он был созван Международной ассоциацией по изучению стран Юго-Восточной Европы, созданной при ЮНЕСКО в 1963 г.

Балканистика, как комплекс знаний о народах Балканского полуострова и их взаимосвязях, особое внимание обращает на общие черты и закономерности исторического развития этих народов, стремится раскрыть процессы формирования их культурно-языковой общности.

На Софийский конгресс собрались специалисты по истории, этнографии, археологии, лингвистике, литературе, фольклору и искусству народов Юго-Восточной Европы. Присутствовало около 1300 ученых из 24 стран — Албании, Англии, Австрии, Бельгии, Болгарии, Германской Демократической Республики, Венгрии, Греции, Голландии, Израиля, Италии, Канады, Кипра, Ливана, Польши, Румынии, СССР, США, Турции, Федеративной Республики Германии, Франции, Чехословакии, Югославии, Японии. Особенно многочисленны, естественно, были делегации Балканских стран.

Советская делегация представила 45 докладов по всем разделам работы конгресса. От Института этнографии АН СССР на конгресс были направлены Ю. В. Бромлей, Т. Д. Златковская, Ю. В. Иванова, Л. В. Маркова.

На протяжении всей своей работы конгресс привлекал живое внимание общественности стран Юго-Восточной Европы. Его деятельность широко освещалась в газетах не только Болгарии, но и всех других балканских стран. В них подчеркивалось, что конгресс является исключительным по своему значению научным, культурным и политическим событием, работа которого способствует сближению балканских народов, служит делу мира и прогресса.

На торжественном открытии конгресса делегатов приветствовали премьер-министр Народной Республики Болгарии Тодор Живков, главный директор ЮНЕСКО Рене Майо и представители нескольких делегаций: Е. М. Жуков (СССР), К. Дайкович (Румыния), Х. Фрагистас (Греция), Иналджик (Турция), А. Мирамбель (Франция), А. Пергуси (Италия), Р. Сайм (Англия).

На пленарном заседании были прочитаны в сокращенном варианте коллективные доклады о вкладе народов Юго-Восточной Европы в мировую культуру (полный текст этих докладов был роздан делегатам). Доклады были составлены группой специалистов из разных стран и касались вопросов истории, языкознания, литературоведения и искусства балканских народов.

Среди общих проблем, поднятых на пленарных заседаниях, для балканской этнографии представляется интересной проблема появления производящего хозяйства и эго главных отраслей — земледелия и скотоводства. Е. Кондураки (Румыния) изложил этот вопрос в своей части коллективного доклада «Народы Юго-Восточной Европы и их роль в истории». Он основывался на общепринятой концепции: примитивное земледелие и скотоводство в неолитическое время проходили период становления на Ближнем Востоке. С конца пятого тысячелетия или сами носители этой развитой земледельческо-скотоводческой культуры проникли через болгарское и румынское побережье на Балканский полуостров, или же они оказали стимулирующее влияние на народы Юго-Восточной Европы. В результате возник очаг земледелия на Балканах.

После обсуждения на секции археологии, где был поставлен доклад Н. Я. Мерперта (СССР) «Ранний бронзовый век Южной Болгарии», проблема эта получала новое освещение. Древнейшее земледелие появилось на Балканах очень рано. Яркие памятники земледельческой культуры Юго-Восточной Европы (в северо-восточной Греции, Фессалии, Македонии, южной и восточной Болгарии, междуречье Прута, Буга и Днестра и др.) дают возможность выдвинуть заслуживающую внимания гипотезу о самостоятельном характере формирования земледельческого очага на юго-востоке Европы, о включении этой территории (наряду с «полумесяцем плодородных земель»

Передней Азии) в основную и первоначальную зону «неолитической революции». В науке накапливается все больше данных для обоснования полицентрического характера происхождения земледелия.

27 августа началась работа одиннадцати секций конгресса (археология, античная история, история с V по XV в., история с XV по XVII в., история с XVIII по середину XIX в., история с середины XIX по XX в., этнография, литература, лингвистика, фольклор, искусство), на которых было зачитано более 500 докладов.

В этнографической секции конгресса было прочитано около 30 докладов. За редкими исключениями они были построены на сравнительном материале нескольких народов и затрагивали общеполитические вопросы. Это особенно отродно отметить на фоне сравнительно редких публикаций подобного рода в этнографической литературе. Конгресс, несомненно, содействовал усилению внимания к разработке общеполитических проблем в этнографии. И положительный резонанс, вызванный этим направлением, по-видимому, является залогом того, что такого рода исследования займут в будущем еще большее место в работе этнографов. Важности изучения общих проблем балканской этнографии посвятил свой доклад Хр. В а к а р е л ь с к и й (Болгария).

Особое внимание участников секции привлекло рассмотрение вопросов, связанных с происхождением балканских народов, хотя специально этому вопросу были посвящены только два доклада антропологов. А. Пулянос (Греция) и П. Боев (Болгария) полемизировали по ряду положений: об антропологических зонах на Балканах, о степени распространения в Болгарии типа, присущего древним славянам, о роли монголоидного элемента в антропогенезе современного населения Болгарии и пр. Оба ученых исходят из положения о том, что нельзя смешивать понятия расы и нации, границы которых редко совпадают. Это единственно правильное историческое осмысление современной антропологической карты мира дает возможность использовать антропологический материал как документальный источник для выяснения проблем этногенеза.

А. Пулянос в докладе на тему «Антропологический состав народов на территории между Эгейским морем и Дунаем» сообщил результаты своих антропологических исследований в Болгарии и эгейской Фракии. В общих чертах мысль автора сводится к тому, что основой антропогенеза населения изучаемой территории является древний, уходящий своими корнями в «дофракийскую» и «фракийскую» эпохи субстрат. С ним генетически связаны два антропологических типа, выявленных на территории Болгарии и простирающиеся за ее пределы. Один из них распространен на западе и северо-западе Болгарии, другой — на юге и юго-востоке ее. Наиболее плотное распределение первого типа наблюдается на северо-западе Болгарии (область Михайловграда). Это самый брахикефальный тип в Болгарии, с наибольшим скуловым диаметром, средней пигментацией, выше среднего роста, т. е. классический динарский тип. Второй антропологический тип наиболее четко выделяется в районе Благоевграда, во Фракии и Добрудже. Южный тип — более темно пигментированный, мезокефальный, с меньшими размерами лица — представляет собою фракийский вариант средиземноморской расы. Близок к нему вариант, распространенный в долине р. Марицы и на Черноморском побережье (в районе Бургаса), принадлежащий к балкано-кавказскому типу.

Собранный материал, по мнению А. Пуляноса, не свидетельствует об участии монголоидных элементов, так же как и протоболгар, в антропогенезе болгарского народа.

Докладчик кратко остановился также на антропологической характеристике турок Болгарии, гагаузов и каракачан. Этим последним он относит к древнейшему населению Европы.

Доклад А. Пуляноса вызвал оживленные прения. Главным оппонентом А. Пуляноса выступил П. Боев. Соглашавшись с основным тезисом докладчика, он отметил, однако, что деление болгар на две антропологические группы он считает неоправданным — их значительно больше. П. Боев настаивает на определенном значении в этногенезе болгар монголоидного элемента, а также на большем участии антропологического типа, присущего древним славянам.

Несколько интересных для этногенетической проблематики докладов было зачитано на других секциях конгресса. К таковым относится доклад Б. Чович (Югославия) «Бронзовая эпоха в Центральном иллирийском районе». Докладчик устанавливает, что в течение позднебронзовой эпохи в районе, охватывающем северную Албанию, южное побережье Югославии, среднюю Далмацию, южную Боснию и юго-западную Сербию, существовала определенная степень культурного единства. Это единство явилось результатом предшествующего развития на этих землях. Культуру этого района следует считать раннеиллирийской, так как она развивается непрерывно вплоть до исторического времени и включает территорию, на которой античная традиция расселяет иллирийские племена.

Доклад Б. Чович существенно дополнили тезисы доклада Д. Гарашанин (Югославия) «Иллирийцы в районе Моравы — Вардар». Она выделяет археологические памятники эпохи средней бронзы из междуречья рек Моравы и Вардара (группа

Парачин), которые могут быть рассматриваемы как общая протоиллирийская и прогетракийская культура. Эволюцию этой фрако-иллирийской культуры можно проследить до 1200 г. до н. э. Таким образом, точное разграничение между иллирийцами и фракийцами не может быть фиксировано ввиду смешения населения этих двух больших этнических групп в пограничной зоне.

Этногенетическим процессам в значительно более позднее время был посвящен доклад И. И. Руссу (Румыния) «Иллирийский и фрако-дакийский субстрат в романизации Балкан и Карпато-Дунайских областей». Присутствие романского языка и романского народа в карпато-балканских и дунайских областях является результатом романизации автохтонного населения. Существование же албанского языка и народа является результатом того, что незначительная часть этого местного населения была романизована поверхностно.

Особенность романизации балкано-карпатской зоны заключалась главным образом в языковом и культурном влиянии. Однако слишком преувеличено представление об исчезновении доримских элементов в языке романского населения. Автор, указывая на значительное их количество в восточнороманских языках (более 160 терминов), подчеркнул лингвистическую и этническую преемственность между древним фрако-дакийским и современным населением этого района.

В секции этнографии вопрос о роли культурных контактов в этническом развитии был поднят в докладе И. Вебер-Келлерман (ФРГ). На примере изучения групп немецкого меньшинства в странах Юго-Восточной Европы она подвергла критике метод исследования только лишь специфических национальных признаков, сложившихся еще на родине переселенцев, без учета влияния среды (культурной, природной и пр.), в которой они живут теперь, и предложила программу исследования «интерэтнических» взаимодействий.

Л. В. Маркова (СССР) стремилась определить степень устойчивости этнических традиций в разных областях материальной и духовной культуры и разную степень восприимчивости инонациональных влияний, сравнивая этнографическое развитие болгар юго-западных районов СССР, живущих в отрыве от родины около 150 лет, и болгар метрополии и южной Румынии. Она пришла к выводу о том, что этнические традиции наиболее стойко сохраняются в комплексе навыков и обычаев, связанных с семейным бытом, и легко подвергаются влиянию экономического фактора и окружающей среды там, где они связаны со многими (но не всеми) сторонами материального быта. Имеются этнографические явления, занимающие в этом смысле промежуточное положение.

Большая часть докладов этнографической секции, в которых рассматривались самые разные стороны материальной и духовной культуры, сводились к проблеме взаимных культурных влияний и образованию культурно-этнографической общности балканских народов. Разумеется, доклады были различны не только по тематике, но и по методологическому подходу к теме. Одни авторы прослеживали развитие элементов культуры с древних времен, другие брали меньший хронологический период, сдвигались проследить то или иное явление у всех балканских народов, другие ограничивались сравнением лишь двух соседних и т. п.

Благодарный материал дает орнаментика. И. Колев (Болгария) определил пути проникновения различных мотивов в народную текстильную орнаментку у балканских народов. Он отметил элементы фракийского времени (конские фигуры), римского периода (растительный орнамент), рассказал о проникновении в различные области Балканского полуострова эллинистических элементов (виноградная лоза), византийского влияния, персидских мотивов (фигура павлина), турецкой орнаментики (тюльпан и др.), показал, как в творческом процессе заимствованные мотивы переосмысливаются, видоизменяются болгарскими мастерами. Именно во взаимодействии элементов разных культур, отражающем сложные исторические связи Балкан с окружающими землями, автор видит специфику балканской текстильной орнаментики. Национальные особенности орнаментов выявляются в колорите, в ритме цветовой гаммы.

Г. Крыстева (Болгария) остановилась на этнокультурных связях болгар и румын по данным орнамента. Связи эти прослеживаются с глубокой древности, проявляясь не только в сходстве орнаментальных мотивов, но и во всем стиле их выполнения, в композиции, в их смысловом значении.

М.-А. Кирьякиду - Несторос (Греция), обратившись к анализу стиля и значения мотива петуха в балканских вышивках, сумела не только проиллюстрировать сходство и общие истоки этого мотива, но и связать его бытование с народными обычаями и верованиями. Петух — символ плодородия, именно поэтому он участвует в свадебном ритуале и изображается главным образом на вещах, связанных с брачными церемониями (свадебных рубахах, постельном белье, головных платках). Он имеет также апотропейную силу. Одновременно он и покровитель душ в загробном мире, поэтому его изображения встречаются на надгробьях.

М. Велева (Болгария) говорила о происхождении некоторых элементов болгарской народной одежды, имеющих сходство с одеждой соседних народов. Исследова-

тельница как бы вскрывала пласт за пластом, образовавшие сложный комплекс традиционного костюма, начиная с элементов древнейшего происхождения, общих для балканских народов и перешедших к ним непосредственно от дославянского населения. Она отметила результаты взаимодействия, взаимопроникновения дославянской и славянской культур (к таким смешанным элементам докладчица отнесла технику тканья). Далее М. Велева выделила элементы одежды, характерные для славян; к ткацкому она отнесла, в частности фартук, и заметила, что он отсутствует в некоторых горных районах Болгарии, куда в период славянского переселения отступали фракийцы. Ряд общих черт в одежде балканских народов она объяснила взаимовлиянием или же общими закономерностями развития одежды, не зависящими от этнической принадлежности. Были отмечены также некоторые заимствования.

Вопросу о взаимовлияниях, отражающихся на народной одежде, было уделено большое внимание и в докладе Г. Хинковой (Чехословакия), в целом посвященном использованию исторических свидетельств (описаний путешественников XVI—XVIII вв.) для этнографической работы.

Интересен был доклад Е. Кишбан (Венгрия) о методах переработки молока у народов балкано-дунайской зоны. Используя тот факт, что традиции в приготовлении пищи и сам состав блюд держатся очень долго, в особенности в пастушеской среде, исследовательница попыталась выделить зоны, в которых эти традиции различны. Зоны эти не совпадают с границами расселения современных народов и с языковыми границами. Мало того, в одной и той же зоне могут существовать различия в переработке молока пастухами на пастбищах и крестьянами в селах, что лишний раз подтверждает факт большой устойчивости этих хозяйственных навыков. Первая зона охватывает северные и западные области Юго-Восточной Европы, вторая идет южнее, примерно до Дуная, исключая центральную Венгерскую низменность, которая примыкает к третьей зоне, расположенной еще южнее. Особенно подробно Е. Кишбан остановилась на характеристике третьей зоны, где основным молочным продуктом является йогурт — особый сорт кислого молока. Привлекая, помимо этнографического, исторические и лингвистические данные, а также обширный сравнительный материал по народам Восточной Европы и Азии, она пришла к заключению, что культуру йогурта принесли на Балканы и в Венгрию еще тюркские народности раннего средневековья, и что она привилась прежде в Болгарии. После османского завоевания распространился способ приготовления масла из йогурта.

О глубоких традициях в области подсечного земледелия, а именно, о типах орудий для расчистки леса и ареалах их распространения, рассказал Л. Такач (Венгрия). Он нашел прототипы некоторых из них в кельтской культуре.

Вопросу славянской взаимности на примере одного характерного болгарского обычая — «лазарования» — был посвящен доклад А. Йордановой (Болгария). Этот весенний девичий праздник, приуроченный к вербному воскресенью, имеет корни в языческой славянской древности. Йорданова нашла ему аналоги у всех славянских народов — под разными названиями и с различиями в обрядности, но объединяемые некоторыми общими чертами и общим содержанием: мечтами о счастливой семейной жизни.

Других докладов, посвященных духовной культуре, было немного — сравнительно с богатым материалом, которым располагают этнографы в этой области. По характеру они различны. Д. Лукатос (Греция) интересно рассказал о предохранительных магических приемах в ткачестве, которые можно наблюдать в среде греческих крестьянок. Т. Колева (Болгария) применила в своей работе метод структурного анализа: на основе сходства и повторяемости элементов обычаев, выполняемых во время сева, она определила их общие черты у южных славян и создала таким образом модель обычая.

Группу докладов (В. Маринов — Болгария, Л. Фельдеш — Венгрия) объединяло изучение в этнографическом аспекте скотоводства — традиционной отрасли хозяйства на Балканах, с которой связаны и некоторые этнокультурные проблемы. Много говорилось об отличительных особенностях и происхождении вида отгонного скотоводства (трансхуманции), распространенного в Балканской и Прикарпатской областях, об его отличии от альпийского типа хозяйства. Л. Фельдеш (Венгрия) ввел в научный оборот исторические и статистические материалы, относящиеся к XVII—XIX вв., из которых видно, что уже тогда существовала развитая система отгонного скотоводства, связывающая область южных Карпат с придунайскими землями. Доклад был оценен положительно, но было высказано мнение о необходимости сочетать историко-статистические данные с этнографическими.

В. Маринов рассмотрел трансхуманцию у народов, живущих к югу от Дуная, и помимо хозяйственной характеристики представил быт и обычаи скотоводов. В прениях оживленно обсуждался вопрос о роли хозяйства в складывании бытовых особенностей, главным образом, вопрос о связи отгонного скотоводства с кочевым (номадизмом). Было высказано соображение (И. Влэдуйиу — Румыния), что первое не обязательно возникает из второго. Например, в Румынии отгонному скотоводству предшествовала система коротких пелекочев в пределах небольших областей. На этом этапе

скотоводство тесно связано с земледелием. Связь эта сохранилась и в отгонном скотоводстве.

Значительное место занимали доклады, затрагивающие социологические проблемы в этнографии. Хотя они посвящены различным темам и разработаны разными методами, их объединяет стремление раскрыть внутреннюю структуру социальных институтов и показать взаимовлияние и взаимосвязь структурных единиц, а также воздействие на них факторов, находящихся за пределами этой структуры (например, экологической среды, городской цивилизации, индустриализации, государственной власти и пр.).

Три доклада были посвящены проблемам семейной общины. Р. Пешева (Болгария) рассказала о южнославянской задруге в конце XIX и начале XX в., обратив внимание на стадии в развитии большой семьи. М. Красничи (Югославия), анализируя семейную общину у албанцев Югославии, остановился на основных причинах длительного бытования большой семьи (вплоть до наших дней) в изучаемом районе. Новым в его исследовании было привлечение, кроме факторов исторических, экономических и этнических (значение традиции), не раз уже отмеченных в литературе, также и демографического фактора: высокий коэффициент прироста населения (от 2,3 до 3,1) в албанских областях Югославии способствовал быстрому перерастанию в задруги тех малых семей, которые возникали при разделе большой семьи. Далее докладчик остановился на причинах быстрого распада задруг в 1950-х — 1960-х гг. Главными из них он считает изменение занятий населения (в прошлом это было исключительно сельское хозяйство) в период социалистической реконструкции, влияние города, общий подъем культуры.

В отличие от Р. Пешевой и М. Красничи Дж. Халперн (США) применил при изучении югославянской задруги новый в этнографии метод статистической обработки массового материала. Указав процентное соотношение больших и малых семей в разные годы в изучаемом районе, он выявил закономерности постепенного исчезновения задруги.

В прениях наибольшее внимание привлек вопрос о стадиях в развитии семейной общины. Было высказано мнение, что для ее более ранних стадий, известных в средневековье по письменным источникам, характерна форма братской задруги (Ю. В. Бромлей — СССР). Вызвал сомнение тезис Р. Пешевой о неродственном характере братской семьи нового и новейшего времени и о ее качественном отличии от «отцовской» (Л. В. Маркова — СССР).

Племенная организация на Балканском полуострове нашла отражение в докладах Т. Д. Златковской, В. Грачева и Ю. В. Ивановой (СССР). В докладе Т. Д. Златковской «К вопросу о возникновении государства у фракийцев» ставилась проблема закономерности возникновения племенных союзов, как этапа, подготавливающего возникновение государства. Докладчик обратила внимание на монеты с одинаковыми изображениями, выпущенные в VI—V вв. до н. э. различными южнофракийскими племенами. Исходя из степени интенсивности чеканки и степени совпадения изображений, докладчик полагает, что союз имел аморфную структуру и сравнительно ограниченные общие функции, касавшиеся главным образом ведения совместных военных действий и отправления религиозных культов; беспорядна и определенная форма экономического объединения племен. Во главе объединения стояли, по-видимому, оррески (возможно, сатры литературной традиции).

В докладе В. Грачева были охарактеризованы жупы раннего средневековья и их роль в складывании государственности у сербов.

Ю. В. Иванова описала позднейшие формы родовых объединений, сохранившиеся еще в XIX и первой половине XX в. в высокогорных областях Албании и Черногории. В ее докладе были проанализированы причины сохранения в общинной организации этих областей многих черт, характерных для родовой организации: политические причины (османское завоевание Балканского полуострова и постоянное сопротивление ему балканских народов) действовали в неразрывной связи с факторами экономическими (экономическая изоляция горных районов, преобладание скотоводческого хозяйства отгонного типа). Были показаны причины и формы распада родовой организации и постепенного перехода от родовой к соседской (сельской) общине.

Один доклад касался обычного права — это сообщение Р. Вулканеску (Румыния) о малоизвестном институте обычного права скотоводческих общин румын — «суде отцов», который оказал влияние на феодальное процессуальное право в Румынии и в некоторых соседних странах. Доклад вызвал оживленную дискуссию, была отмечена большая древность и одновременно большая живучесть этого института обычного права.

Американский демограф Г. Костаник рассмотрел динамику численности населения Югославии и Греции за период после первой мировой войны. При анализе различий в уровне рождаемости и естественного прироста населения Югославии он обратил внимание на этнический фактор. Этот фактор учитывался им и при характеристике

особенностей урбанизации многонациональной Югославии по сравнению с Грецией, национальный состав которой отличается значительной однородностью.

В программу конгресса был включен Второй международный смотр этнографических и фольклористических фильмов балканских стран (первый смотр таких фильмов состоялся в 1964 г. в югославском городе Нише). Кинематографисты Болгарии, Румынии, Турции и Югославии показали свыше 30 короткометражных фильмов, повествующих о прикладном искусстве народов этих стран, об их песнях, танцах, обрядах и праздниках. Разнообразна тематика этих фильмов и различны режиссерские и операторские приемы, но одно основное настроение объединяет их всех: глубокое уважение, бережное отношение к народному творчеству, стремление сохранить его и рассказать о нем людям. Второй международный смотр фильмов проходил под лозунгом «Киноискусство за дружбу на Балканах!» Его целью было ближе познакомить участников конгресса с культурными и бытовыми традициями балканских народов.

По случаю Первого конгресса балканских исследований в государственной библиотеке имени Кирилла и Мефодия в Софии была развернута выставка книг по балканистике. На выставке было представлено около полутора тысяч публикаций, вышедших за последние годы в разных странах, преимущественно балканских. Посетители выставки смогли познакомиться с периодическими и монографическими изданиями по всем разделам балканистики: истории, археологии, этнографии, языкознанию, фольклору, литературоведению, искусствоведению. Книжная выставка явилась хорошим дополнительным источником взаимной информации ученых о главных направлениях в тематике и методике их исследований.

Т. Д. Златковская, Ю. В. Иванова, Л. В. Маркова
